

Л. П. Репина

ПАМЯТЬ ИСТОРИИ И ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ В ФОКУСЕ КАТЕГОРИАЛЬНОГО АНАЛИЗА М. А. БАРГА

Появление развитого исторического сознания – веха эпохальной важности в истории мировой культуры. В нем засвидетельствовано осознание общественным индивидом того факта, что его *существование возможно только в преемственной памяти истории*, посредством которой он получает содержание и способ жить и мыслить.

М. А. Барг¹

Михаил Абрамович Барг – выдающийся историк и методолог с широким диапазоном исследовательской деятельности (от аграрной истории средневековой Англии до теории исторического знания) и высочайшим уровнем творческой рефлексии. Глубина его размышлений над базовыми категориями исторической науки и ее методологической оснасткой, оригинальность и богатство идей – и тех, которые были представлены в его многочисленных публикациях, и тех, которыми он щедро делился с коллегами в публичных научных дискуссиях и в личном общении – становятся все более очевидными в свете развития неоклассической парадигмы, но, тем не менее, еще ждут полномасштабной оценки представителями современного гуманитарного знания.

Начиная с 1970-х годов М. А. Барга все больше занимали проблемы, связанные с историей идей и представлений об историческом прошлом в разные эпохи всемирной истории. История исторических идей и историописания рассматривалась им в широком контексте интеллектуальной истории, и именно в этом исследовательском поле максимально проявились присущие ему самобытность,

---

¹ Нужно учитывать, что в понятие «содержания» исторического сознания М. А. Барг включал представления о *смысле* истории [1, с. 5–25].

широта эрудиции, высокий профессионализм, точность дефиниций, уверенность в недопустимости непосредственного переноса в историю философских абстракций и социологического инструментария, а также в том, что историческая наука должна обладать собственным уровнем теоретического знания, соответствующим ее познавательной функции [2, с. 13].

Категории *исторического сознания* и *исторической культуры* были предложены М. А. Баргом в 70-х годах прошедшего века и получили как теоретическое обоснование, так и практическую апробацию на материале разных эпох в его статьях и книгах, вышедших в свет в 1970-е – 1980-е годы [3; 4; 2; 1], и затем в течение многих лет оставались в центре внимания исследователя, составляя самую сердцевину его оригинальной концепции становления историзма, предметно представленной в типологии форм исторического сознания.

Необходимо отметить, что в ряде моментов содержание понятия *историческое сознание* у М. А. Барга восходило к развернутым определениям, данным в одной из ранних работ (1969) крупнейшего российского социолога Ю. А. Левады «Историческое сознание и научный метод»¹. По мнению Левады, этим понятием охватывается все многообразие сложившихся стихийно или созданных наукой форм, в которых общество осознает свое прошлое – «воспроизводит свое движение во времени». В каждую эпоху историческое сознание представляет собой определенную систему взаимодействия «практических» (народных преданий, мифологических представлений) и «теоретических» форм социальной памяти. Научное знание об истории выступает лишь одним из моментов (правда – все более важным) в этой системе [5, с. 191]. Левада проводил прямую аналогию между историческим сознанием и памятью, анализировал историческое сознание как один из элементов «памяти» общества, различал «короткую память общества», охватывающую непосредственное прошлое, и «опосредованную, долговременную социальную память», включая в структуру исторического сознания все многообразие вариантов сознательного и бессознательного, научного и мифологического вариантов запоминания обществом своего прошлого [5, с. 192–193].

В монографии «Эпохи и идеи» М. А. Барг дал разные определения понятию *историческое сознание*, каждый раз изменяя ракурс его рассмотрения. При этом он неоднократно подчеркивал, что нельзя

¹ Работа Ю. А. Левады была опубликована в получившем в свое время широкую известность сборнике статей «Философские проблемы исторической науки» [5].

сводить *историческое сознание* к *исторической памяти* (это значило бы отождествить его только лишь с опытом прошлого, лишив его измерений настоящего и будущего), как и ставить знак равенства между историческим и общественным сознанием, поскольку первое – всего лишь измерение, срез второго, и это последнее наполнилось элементами историзма – по крайней мере в европейской мысли – не ранее Возрождения. По мысли ученого, общественное сознание является историческим не только в силу того, что его содержание с течением времени изменяется (в этом случае речь идет об историчности общественного сознания), но и потому, что определенной своей стороной оно обращено в прошлое и отражает восприятие истории [1, с. 24].

Барг неизменно подчеркивал сложный характер категории исторического сознания, которое является не только измерением типа культуры и фактом историографии, но главное – фактором самой истории. Он доказывал, что на каждой стадии историческое сознание определяло связь между теоретическим мышлением данной эпохи и господствующим типом историографии, а потому историю историографии и исторической науки можно изучать двояким образом (и сам следовал именно этой комплексной стратегии). Во-первых, ее можно изучать с внешней стороны – как эмпирически зримую цепь с течением времени сменявших друг друга историографических школ и направлений. Во-вторых, с «невидимой», внутренней стороны – как процесс, обусловленный системными связями историографии с данным типом культуры [1, с. 6]. Последовательно рассматривая категорию «историческое сознание» в ее «нормативной и рефлексивной функции по отношению к историографии», он выделял в самом процессе историописания два смысла, понимая его, с одной стороны, как «процесс восприятия, “дешифровки” и упорядочения опыта прошлого с целью истолкования его в свете опыта настоящего», а с другой — как «метод реализации подобной программы» [1, с. 12]. При всей противоречивости форм проявления исторического сознания (в книге «Эпохи и идеи» они рассмотрены последовательно в широком континууме между двумя крайностями — антиисторизмом мифологического типа сознания и всеобъемлющим историзмом, характерным для XIX в.) Барг видел в нем культурную универсалию, определяющую пространственно-временную ориентацию общества («историческое сознание – это духовный мост, переброшенный через пропасть времен, – мост, ведущий человека из прошлого в грядущее»),

«важнейшую духовную константу», одновременно сохраняющую и продуцирующую «связь времен» — прошлого, настоящего и будущего «в средостении настоящего» [1, с. 24]. Однако это соотношение времен специфично и имеет культурно-историческую обусловленность.

Примененная к характеристике исторического сознания метафора «духовный мост через пропасть времен» с максимальной точностью выражает понимание М. А. Баргом основополагающей роли данной категории в складывающейся исторической культуре Нового времени. Другая яркая метафора – «цепь времен» – была акцентирована в связи с анализом темпоральных представлений в книге «Шекспир и история» (1976). Характеризуя восприятие и истолкование времени гениальным драматургом как «цепи времен», подразумевавшей непрерывную смену исторических эпох, Барг оценивает такое видение истории как качественный сдвиг в мировоззрении и самопознании человека, а именно – как «восстановление модуса “настоящего”, т.е. современности», которой христианская историческая традиция пренебрегала. В этой концепции *историческое время* мыслится как единство всех трех модусов: оно становится *историческим* «только тогда, когда каждое из них – прошедшее, настоящее и в известном смысле будущее – выступает как настоящее, в котором прошедшее и будущее смыкаются в живом сопряжении. “Настоящее” – решающее звено, соединяющее всю цепь времен» [3, с. 51]. Сравним это с тремя временами Блаженного Августина: настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего, где настоящее прошедшего – это память, настоящее настоящего – его непосредственное созерцание; настоящее будущего – его ожидание (*Августин Аврелий. Исповедь. XX, 26*). Удивительно в унисон звучат размышления о связи времен, представителей, с одной стороны, господствовавшей в Средние века «неисторичной» формы «провиденциального историзма» и, с другой стороны, научного историзма XX столетия! Аналогичные параллели можно увидеть в типологии «режимов историчности», предложенной уже в начале XXI века Франсуа Артогом в качестве инструмента анализа исторического сознания, форм восприятия времени и отношения к нему (пассеизм, презентизм, футуризм), понимаемых как способы сочленения категорий прошлого, настоящего и будущего, различающиеся в зависимости от того, на какой из трех модальностей времени ставится акцент в разных культурах и социумах [6].

Подход М. А. Барга к истории исторической мысли опирался на концепцию историзма, распространенную на само историческое

сознание и реализованную в его исторической типологии, причем историческое сознание любой эпохи выступает как одна из сущностных характеристик ее культуры и соответственно определяет присущий ей способ фиксации исторической памяти (миф, хроника, история), отбор, объем и содержание достопамятного, схему организации исторического опыта («тип историзма») и тип историописания («тип исторического письма»). По Баргу, историография – это форма, при помощи которой общество превращает прошлое в компонент своего собственного самосознания, и в конечном счете только каждая данная форма социальной организации определяет, что для нее будет означать отложившееся в памяти прошлое и, тем самым, в какой форме оно будет представлено настоящему [2, с. 90].

М. А. Барг исходил из того, что «в общем и целом *тип историзма* столь же объективно задан историку, как *тип культуры* – современнику данной эпохи» [1, с. 15]. Такой подход к изучению истории исторического знания требовал максимально широкой экспликации интеллектуального контекста. Барг так сформулировал базовый принцип своего подхода: «Только включение в исторический анализ наряду с общеисторическими предпосылками посылок логических, наряду с характеристикой уровня исторических знаний – характеристики знаний естественнонаучных (состояние всей системы наук), наряду с характеристикой исторического метода – характеристики методов науки как таковой, наконец, характеристики господствующего стиля культуры как целостности дает возможность представить движение исторического знания как объективно обусловленный, закономерный процесс» [1, с. 14]. Именно поэтому постижение каждого из типов историзма прошлых эпох («донаучного историзма») ставилось в зависимость от изучения тех предшествовавших «переворотам» в историографии общемировоззренческих сдвигов, которые происходили при переходе от одной культурно-исторической эпохи к другой.

Впервые размышления М. Барга в этом направлении были представлены читателям в его книге «Шекспир и история», вышедшей первым изданием в 1976 г. Исследование о темпоральных представлениях и взглядах великого драматурга на исторический процесс Барг ведет в контексте глубокого анализа исторической культуры елизаветинской Англии, причин очевидного поворота общественного сознания этой эпохи к «картинам прошлого», к «человеческой драме», ставшей историей. Барг останавливается

на трактовке Шекспиром различных исторических сюжетов и его воззрениях на исторический процесс в целом, реконструируя, по сути, философию истории великого драматурга, выразившего свое отношение к миру истории в «галерее сценических образов». Определяя принципы своего подхода к использованию художественной литературы как исторического источника, Барг опирается на процедурное сходство творчества драматурга и профессионального историка: «От драматурга требовалось создать фабулу из хаоса деталей, то есть отобрать моменты, связывающие все в единое целое. А для этого необходимо было обладать в определенной степени самостоятельным взглядом на историю данного периода, на причинно-следственную связь событий, на уроки истории» [3, с. 38]. В целом, историческое видение Шекспира складывалось постепенно, уточнялось и обогащалось от одной хроники к другой, и в той же степени уменьшалась зависимость драматурга от организации материала и интерпретативных принципов его источников. М. Барг показал, в какой степени в пьесах Шекспира, с одной стороны, отражены стереотипы исторического сознания тюдоровской эпохи, а с другой стороны, элементы, от него отличающиеся или даже противоположные. Шекспир проявил значительную самостоятельность не только в отборе и сочленении фактов, диктуемых законами сценического искусства, но и в постановке того, что можно назвать сверхзадачей – вопроса о смысле истории. Человеку его эпохи открылась истина, совершенно чуждая средневековому сознанию: жизнь постоянно ставит его перед выбором, а время оставляет лишь единственную альтернативу – деятельность [3, с. 51]. Как наиболее важную особенность историзма Шекспира М. Барг отмечает то, что драматизированная им действительность была развивающейся, меняющейся: в отличие от «профессиональных хронистов» своего времени, Шекспир «увидел всю глубину происшедшего переворота, когда представлявшийся замкнутым и неподвижным мир средневековья на глазах одного поколения раскрылся навстречу ветрам вселенной» [3, с. 126].

Книга «Шекспир и история» стала началом обоснования концепции исторического сознания как базисной составляющей понятия «исторической культуры». Целостную реализацию концепция исторической культуры Возрождения М. А. Барга получила в книге «Эпохи и идеи», замысел которой состоял в том, чтобы определить суть категории историзма в динамическом развитии от Античности до Просвещения, опираясь на представление об историчности самого исторического сознания и способов (идеологических, логических,

риторических), спомощью которых оно формировало и истолковывало содержание истории.

Говоря об оригинальности системы воззрений ренессансного гуманизма, М. А. Барг подчеркивал, что составляющие этой системы – мыслительный материал и средства его выражения – были почерпнуты из двух источников: из классического наследия и наследия столь презиравшегося гуманистами «темного века». Хотя пределом духовных устремлений эпохи как будто являлось лишь максимально близкое подражание античности, однако на этом пути оказалось непреодолимое препятствие – то обстоятельство, что содержательно любая культура, задается в каждом случае *настоящим*. Система ренессансной культуры творчески решала чрезвычайно трудную задачу – посредством заимствованных мыслительных форм, идей и образов, почерпнутых из классического наследия, концептуализировать новые явления действительности, столь существенно отличавшейся от почвы, породившей эти формы. Однако, до поры до времени еще не имевшее своего адекватного определения *новое* воспринималось в античной словесной драпировке [1, с. 213–215]. Ключ к пониманию особенностей ренессансного историзма Барг видел в том, что вместо характерной для ортодоксии христианства постоянной заботы верующего о потустороннем мире «в мировидении гуманистов на первом плане оказалось ни с чем не сравнимое стремление человека к земной, прижизненной и посмертной славе» [1, с. 230].

Если в Средние века безраздельно господствовала «неисторичная» форма «провиденциального историзма», то переворот в мировоззрении эпохи Возрождения открыл «способность одной исторической эпохи «сравнить себя с предшествующими, чтобы отличить себя от них и вместе с тем связать себя с ними», обеспечил трансляцию «статики воспоминания о прошлом и созерцания настоящего в динамику целеполагания и предвидения будущего» [2, с. 83]. Анализ понятия хроноструктуры с позиции отношений следования времен «настоящее – прошедшее – будущее» позволил сделать важное наблюдение: «Прошедшее и будущее “встречаются” в настоящем, выступают его составляющими. Что же остается на долю настоящего? — Переработка, отбор и систематизация опыта прошлого с точки зрения изменившихся условий и *предстоящих задач*, т.е. процесс для каждого настоящего сугубо творческий, поскольку *ориентиром для него служит именно будущее* (курсив мой. – Л. Р.)» [2, с. 83]. Таким образом, в переработку, отбор и систематизацию опыта прошлого включены не только два комплементарных и

неразделимых процесса (две стороны) памяти — *вспоминание и забывание*, но и ключевой процесс непосредственного переживания реальной ситуации настоящего и проецирование себя в будущее. Так появляется не просто новая форма исторического сознания, но собственно *историзированное* сознание. Процесс темпорализации включал в себя постепенное утверждение историзма как способа понимания общественного развития, установку на будущее и другие характерные признаки современного исторического сознания.

В чем же заключались неповторимые особенности в восприятии и воспроизведении Ренессансом исторического времени и самой истории, и в какой мере они были обусловлены системой ренессансной культуры – мировидением и мироотношением гуманизма? Прежде всего М. А. Барг подчеркивает, что в новом видении категория времени приобрела множество значений: это и предпосылка данного действия, и длительность действия, это и род сцены, на которой происходит действие, его фон и – что важнее всего – характер самого действия, его содержание¹. Кроме того, речь шла о совершенно новой, *избирательной* форме исторической ретроспективы, что ярко проявлялось в том, как гуманисты конструировали свою духовную родословную: «не остается сомнений в том, что уяснить связь со “своим прошлым” для гуманистов отнюдь не означало исторического “возврата в прошлое”, а являлось формой идентификации своего духовного настоящего» [1, с. 252]. Отметив, что «восторженные суждения гуманистов о своем времени были лишь неосознанной формой оценки результатов их собственной творческой деятельности», Барг, тем не менее, констатирует, что именно в этих узких рамках «выкристаллизовывалась фундаментальная для историзма Нового времени мысль об *исторической эпохе* как интегрированном целом, т.е. о взаимосвязанности и взаимообусловленности всех ее граней, всех форм и проявлений человеческого бытия в рамках каждой данной эпохи» [1, с. 257].

Если Возрождение явилось результатом целенаправленного творчества людей, то напрашивался вывод: само движение истории

¹ М. А. Барг особо подчеркивал, что до открытия в эпоху Возрождения феномена исторического времени речь могла идти только о различных формах неисторической по сути своей рефлексии социального времени. В этом контексте он поставил и вопрос о содержании субъективно-категориального аспекта (т.е. смысла) исторического времени, об истории представлений о времени, глубине исторической памяти и предпосылках «диалога с прошлым», а также специально отметил роль в конституировании исторического времени процесса смены поколений и дал теоретическое обоснование понятия «время историка» [2, с. 62–99].

и, что еще важнее, *изменения в направлении ее движения* обусловлены не только политической, но и интеллектуальной деятельностью людей, и, следовательно, столь бросавшееся гуманистам в глаза непостоянство мира истории есть не что иное, как результативная сторона последней. Однако существовавшая логическая возможность открытия рационалистической идеи развития в истории и тем более в истории, рассматриваемой как целостный процесс, оставалась нереализованной. Этому «на почве убеждения, что история – дело рук человеческих, – мешало представление о *неизменности человеческой природы*»: «одни и те же типы характеров, страстей, устремлений влекут за собой повторение поступков и их следствий, т.е. той поверхности явлений, которая составляла содержание событийной истории» [1, с. 264].

Опыт прошлого, понимаемый *исторически*, соответствует особой форме модернистского исторического сознания – *историческому сознанию в строгом смысле слова*, которое с утверждением историзма и становлением «научной истории» в XIX в. сделалось определяющей чертой профессиональной идентичности практикующих историков. Специфику научного исторического знания М. А. Барг видел в приверженности принципам историзма и в процедуре «самообоснования», т. е. в критике самого процесса получения знания. Одним из результатов программы историзма стало резкое углубление разрыва между «историей историков» и обыденными (массовыми) представлениями о прошлом: в то время как социальная память продолжает создавать интерпретации, удовлетворяющие новым потребностям, в исторической науке господствует подход, состоящий в том, что прошлое ценно само по себе, и ученому следует, насколько возможно, быть выше соображений политической целесообразности. Однако модель «истории историков» не исчерпывает возможных форм современного исторического сознания. Постмодернистская «демократизация» исторического знания оставляет «за скобками» длительную традицию его саморефлексии (обсуждения предпосылок, принципов и статуса исторических штудий), которая восходит еще к риторической историографии и впоследствии играет важнейшую роль в формировании и легитимации истории как академической дисциплины.

М. А. Барг, подходя к проблеме содержания и соотношения профессионального исторического сознания и массовых представлений, подчеркивал креативную роль интеллектуальной работы в конструировании исторического сознания и исторической культуры той или иной эпохи. Поэтому отнюдь не случайно, что многие идеи,

сознания общества или совокупность культурных практик индивидов и групп по отношению к прошлому, но включает в себя все случаи «присутствия» прошлого в повседневной жизни [19, s. 5–7; 20, p. 10; 21]. И в этом плане может быть вновь востребован предложенная М. А. Баргом (под непосредственным влиянием изучения картин мира в рамках истории ментальностей) интерпретация смены форм исторической культуры от одной эпохи к другой как совокупностей поразительно схожих вопросов, «волновавших человеческий ум», и сущностно различающихся ответов, которые на них давались [1, с. 3]. Различия в исторических культурах (в пространственном или во временном континууме) определяются как особенностями спецификой их картины мира и соответствующих «картин прошлого» (иными словами – содержанием исторической памяти и манерой думать, читать, писать и говорить о прошлом), так и присущими им представлениями о модусах времени и «схемами» организации исторического опыта.

1. Барг М. А. Эпохи и идеи. Становление историзма / М. А. Барг. – М., 1987.
2. Барг М. А. Категории и методы исторической науки / М. А. Барг. – М., 1984.
3. Барг М. А. Шекспир и история / М. А. Барг. – М., 1976. (Изд. 2-е, испр. и доп. – М., 1979).
4. Барг М. А. Историческое сознание как историографическая проблема / М. А. Барг // Вопросы истории. – 1982. – № 12. – С. 49–66.
5. Левада Ю. А. Историческое сознание и научный метод / Ю. А. Левада // Философские проблемы исторической науки / отв. ред. А. В. Гулыга, Ю. А. Левада. – М., 1969. – С. 186–224.
6. Hartog F. Regimes d'historicité. Presentisme et expériences du temps / F. Hartog. – P. : Seuil, 2003.
7. Репина Л. П. Феномен памяти в современном гуманитарном знании / Л. П. Репина // Ученые записки Казанского университета. – Т. 153 : Серия : Гуманитарные науки. Кн. 3. – Казань, 2011. – С. 191–201.
8. Repina L. Indywidualne i ponadindywidualne w konceptualizacji pamięci: od dychotomii do syntezy / Lorina Repina // Sensus Historiae. Studia interdyscyplinarne. – 2013. – Vol. XI. – No. 2. – S. 43–56.
9. Assmann J. Moses der Ägypter: Entzifferung einer Gedächtnisspur. – München u.a., 1998.

10. Эклс О. Г. Историческая наука в постоянно меняющемся мире // Диалог со временем. – 2004. – Вып. 11. – С. 84–110.
11. “Цепь времен”: проблема исторического сознания / под ред. Л. П. Репиной. – М., 2005.
12. История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / под ред. Л. П. Репиной. – М., 2006.
13. Время – История – Память: историческое сознание в пространстве культуры / под ред. Л. П. Репиной. – М., 2007.
14. Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / под ред. Л. П. Репиной. – М., 2008.
15. Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / под ред. Л. П. Репиной. – М., 2010.
16. Кризисы переломных эпох в исторической памяти / под ред. Л. П. Репиной. – М., 2012.
17. История и историки в прошлом и настоящем / под ред. Л. П. Репиной. – М., 2013.
18. Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в Новое время / под ред. Л. П. Репиной. – М., 2014.
19. Rüsen J. Was ist Geschichtskultur? Überlegungen zu einer neuen Art, über Geschichte nachzudenken // Historische Faszination: Geschichtskultur heute / Hg. K. Fußmann, H. T. Grütter, J. Rüsen. – Köln ; Weimar ; Wien, 1994. – S. 3–26.
20. Woolf D. The Social Circulation of the Past: English Historical Culture 1500–1730 / D. Woolf. – Oxford, 2003.
21. Репина Л. П. Введение: Историческая культура как предмет исследования / Л. П. Репина // История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / под ред. Л. П. Репиной. – М., 2006. – С. 5–18.